

✓ СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

В просторной гостиной Дома-музея Л. Н. Толстого в Москве лежит большая черная медвежья шкура. Многие посетители воспринимают красиво выделанную шкуру как обычный предмет интерьера старинного барского дома. Но это не так. Шкура имеет свою интересную историю. В пасти этой медведицы в свое время оказалась... голова Льва Николаевича Толстого.

Лев Толстой был в молодости страстным охотником. Целыми днями, а порою и неделями он пропадал в лесах, охотясь вместе с братом Николаем, поэтом Фетом и другими друзьями на волков, медведей, лисиц и зайцев.

Случай с медведицей произошел 22 декабря 1858 года. За неделю до этого А. А. Фет получил от своего друга, писателя и страстного охотника С. С. Громеки, письмо о том, что в лесах близ Выш-

него Волочка организуется облава на медведей. Громека просил известить об этом Льва Николаевича Толстого и его брата Николая.

Толстые, а с ними и А. А. Фет и его брат П. А. Шеншин немедленно отправились в путь. Вожаком облавы был знаменитый в тех местах крестьянин-медвежатник Архип Осташков.

Первый день охоты был для Толстого счастливым — он метким выстрелом издалека уложил медведя, ушедшего от других охотников. Но на следующий день судьба изменила ему: он очутился в пасти разъяренного зверя и чуть не распрощался с жизнью.

Было это так. Давно замеченного медведя высладили и обложили. Охотники, в их числе и Лев Толстой, были расставлены на места, откуда мог бы появиться медведь. Стоял сильный мороз, снега были глубокие. Собравные Осташковым мужики, охватив полукругом темный лог, начали криками выгонять из него зверя. Поднятая ими громадная медведица первоначально кинулась, ломая сучья, в том направлении, где изготовился брат Толстого Николай. Тот выстрелил, но промахнулся. Зверь бросился обратно в чащу и вскоре вышел прямо на Льва Николаевича, ожидавшего его совсем с другой стороны. Далее слово самому Толстому:

«Поглядел я перед собой: а он прямохонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав и, видно, со страху сам себя не помнит... Вскинул я ружье, выстрелил, — а уже он еще ближе. Вижу, не попал, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и все не видит. Пригнул я ружье, чуть не упер в него, в голову. Хлоп! — вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, осклабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, — думаю, — хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу — давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня, да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежит на мне тяжелое, слышу теплое над лицом и слышу, забирает он в пасть все лицо мое. Нос мой уж у него во рту, и чую я — жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: зацепил он зубами верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а он торопится и как собака грызет — жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. «Ну, — думаю, — конец мой пришел». Слышу, вдруг полегчало на мне. Смотрю нет его: соскочил он с меня и убежал».

Что же произошло? Почему медведь бросил свою жертву и убежал? А было вот что. Николай Толстой и Громека, увидав, что медведь навалился на Льва Николаевича, бросились ему на выручку. Но оба завязли в снегу. Их опередил на лыжах опытный Архип Осташков. Без ружья, с одной хворостинкой в руке, он бросился на медведя и закричал: «Ах ты, баламутный!.. Брось, брось!» И медведица, испугавшись, убежала в чащу. Лев Николаевич вскочил с земли весь в крови. На его лбу зияла рваная рана. Прибегавшие охотники промыли ему рану снегом и завязали чистой холстиной.

Все это произошло на глазах у А. А. Фета. Из его рассказа мы узнаем дополнительные подробности. Оказывается, медведица не прогрызла Толстому голову насквозь только потому, что к ней в пасть вместе с головой попала его большая мохнатая меховая шапка. В шапку и вонзились зубы зверя во время его первой, самой злой хватки. После этого медведица успела сделать еще несколько хваток, прорвав верхними зубами щеку Толстого под левым глазом и сорвав нижними всю левую половину кожи со лба.

Несколько слов о спасителе Толстого Архипе Осташкове. Крестьянин Псковской губернии, худой, жилистый, он внешне выглядел бирюком, но все знали его мягкий, добрый нрав. Он обладал могучей физи-

ческой силой, но никогда не злоупотреблял ею. Как пишет о нем его земляк С. И. Васюков, «про Архипа ходили целые легенды. От него не ушел ни один медведь, на которого он свободно ходил один на один. Выносливость его бегать на лыжах была поистине изумительна: целые десятки верст обойдет Архип по сугробам и лесам и наверняка подведет к зверю».

Но вернемся к Толстому и жестоко кусавшей его медведице. Как же ее шкура потом оказалась в его доме? Снова представим слово самому Толстому:

«Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо, а сгоряча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я забыл про рану, спрашиваю: «Где медведь, куда ушел?» Вдруг слышим: «Вот он! вот он!» Видим: медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не успел никто выстрелить, — уж он пробежал. Медведь остервенел, — хотелось ему еще погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидели, что из медвежьей головы идет кровь; хотели идти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шелком, и они стали заживать».

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а все ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб.

Медведь этот был очень велик и на нем прекрасная черная шкура.

Я сделал из нее чучело, и оно лежит у меня в горнице».

...Случай на охоте взбудоражил тогда всю литературную Москву. Дошедшая до Петербурга, эта весть и там вызвала много тревожных разговоров. Единственный, кто спокойно отнесся к событию, был сам Толстой. В своем дневнике он отвел ему две строки: «Поехал на охоту за медведем, 21-го убил одного; 22-го меня погрыз». И лишь значительно позднее, в 1872 году, став решительным противником охоты на зверя, он описал этот случай в рассказе для детей и назвал его «Охота пуще неволи». Своего спасителя Архипа Осташкова он переименовал в Демьяна.

А. ШИФМАН,

доктор филологических наук.

«Неделя», 1978, 1 мая